

5. Спортклуб // Советская Сибирь (Омск). — 1920. — 22 июня.
6. ГИАОО. Ф. Р. 217. Оп. 1. Д. 108.
7. Спорт // Советская Сибирь (Омск). — 1920. — 23 сентября.
8. ГИАОО. Ф. Р. 217. Оп. 1. Д. 130.
9. Куберген, П. Олимпийские мемуары : пер. с фр. / Пьер де Куберген. — М. : Рид Групп, 2011. — 176 с.

ЛАГУТИНА Марина Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории методологии и истории физической культуры и спорта.

Адрес для переписки: lagutinmar@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.02.2014 г.

© М. Д. Лагутина

УДК 947.086/088

А. В. РЫЧКОВ

Омский государственный
технический университет

«РАБОТА НАД ОШИБКАМИ»: СТРАНИЦА ИСТОРИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Статья посвящена рассмотрению организационных аспектов преодоления лысенковщины в Западно-Сибирском регионе: укреплению связей отраслевой аграрной науки и фундаментальных наук, совершенствованию методики опытной деятельности, изменению структуры сети научных учреждений в области сельского хозяйства, формированию новых подходов в области внедрения.

Ключевые слова: аграрная наука, сельскохозяйственное производство, внедрение, Западная Сибирь, СССР.

В современных условиях особую актуальность приобретает научно-производственная интеграция в сельском хозяйстве, тем более когда речь идет о сибирском регионе с его суровым климатом, роль которого будет постоянно расти в связи со смещением глобального центра экономического роста с Запада на Восток. И в этом деле мог бы быть полезен накопленный ранее опыт, причем как положительного, так и отрицательного характера. В научной исторической литературе данная проблема остается недостаточно исследованной. Известно, что на протяжении длительного времени ситуация как в сельскохозяйственной науке, так и в ее связи с производством определялась лидирующим положением группы ученых во главе с академиком Т. Д. Лысенко, подвергавших остракизму генетику и придерживавшихся упрощенных, механистических взглядов на селекцию, принижавших значение теоретических биологических дисциплин для развития сельскохозяйственной науки. Все генетические и цитологические исследования были полностью прекращены, а многие важные селекционные работы резко сокращены или прерваны. «Селекционеры были поставлены длительный период в слепую обстановку..., они вынуждены были работать не как селекционеры-биологи, вооруженные знанием генетики, цитологии, вирусологии, методами полиплоидии, а как кустари одиночки, без достаточного знания генетики исходного материала, вне связи с такими смежными науками, как фитопатология, биохимия, вирусология. Конечно, такая работа селекционера сопровождалась частыми неудачами, бесплодием» — так характеризовал современник состояние селекционных исследований в условиях лысенковского диктата в аграрной науке [1, л. 120]. В результате резко снизилась эффективность селек-

ционных работ. Особенно это отразилось на выведении новых сортов зерновых культур и прежде всего яровой пшеницы. Большинство выведенных в этот период селекционерами сортов, районированных в регионе, впоследствии были сняты с районирования как недоработанные и не отвечающие условиям интенсивного земледелия.

Аналогичная ситуация сложилась и в других отраслях сельскохозяйственной науки, что объяснялось также невниманием к методике опытного дела, а нередко и прямыми нарушениями методики, отсутствием оценок экономической эффективности тех или иных рекомендаций. Часть ученых поступалась научной этикой, когда требовалось «авторитетом науки» подтвердить какие-либо программные декларации власти, как это, например, было в период разработки и принятия III программы КПСС, провозгласившей курс на построение коммунистического общества. «Кукурузная эпопея», «пропашная система» земледелия, стерневые посевы озимых — далеко не полный перечень рекомендованных производству агромероприятий, эффективность которых не просто не была подтверждена, а, напротив, принесших вред сельскохозяйственному производству.

В рамках представленной статьи автором поставлена цель рассмотреть проблему, выражаясь медицинской терминологией, «выздоровления» аграрной науки, избавления ее от «болезней» недавнего прошлого. Конечно, данный процесс имел не одномоментный, а достаточно протяженный характер (как и всякое восстановление организма после длительной болезни), и требовал принятия целого комплекса организационно-научных мер.

Прежде всего, необходимо было акцентировать внимание на методологических и методических проблемах аграрной науки. Этот процесс в Западно-

Сибирском регионе имел свои особенности. С одной стороны, в Западной Сибири идеи Т. Д. Лысенко пользовались определенной поддержкой в научно-аграрной среде, с другой — они именно в нашем регионе практически продемонстрировали свою полную несостоятельность, поэтому отказ от них здесь произошел ранее окончательного разоблачения лысенковщины в 1965–1966 гг. Важную роль в восстановлении значения теоретических биологических дисциплин в нашем регионе сыграла деятельность коллектива, созданного в составе Сибирского отделения Академии наук Института цитологии и генетики. Первый директор этого института академик Н. П. Дубинин в выступлении на Общем собрании СО АН СССР в 1958 г. с освещением основных направлений работы института выделил как одно из главных «на бескрайних просторах Сибири применить экспериментальные и производственные методы, разработанные в современных условиях по генетике и цитологии, чтобы открыть новые пути для практики» [2]. Работа по выведению новых сортов сельскохозяйственных культур достигла в Институте цитологии и генетики довольно значительных масштабов. Только в 1960 г. в ходе развития изысканий по гетерозису были созданы 3 силосных гибрида кукурузы для Сибири, в результате исследований по экспериментальной полиплоидии получены первые советские триплоидные гибриды сахарной свеклы основных районированных в СССР сортов [3]. Разработанные в институте новые исследовательские селекционно-генетические методы рекомендовались для использования отраслевым научным учреждениям. С этой целью заключались договоры о творческом сотрудничестве с институтами и опытными станциями, организовывалось обучение персонала. К середине 1962 г. Институт цитологии и генетики установил связи с 156 организациями: научно-исследовательскими институтами, опытными станциями, сортоучастками и т.д. [4]. Именно данные исследования, выполненные на основе современных достижений генетики, обусловили авторитет Института цитологии и генетики как теоретико-методологического центра среди ученых-аграрников Западной Сибири. В решении Зонального совещания сельскохозяйственных научных учреждений региона по итогам научно-исследовательской работы за 1962 г. и обсуждению планов на 1963 г., проведенного в СибНИИСХозе в декабре 1962 г., подчеркнуто: «Считать целесообразным проведение межведомственных научно-методических совещаний с участием институтов АН и ВАСХНИЛ с целью обмена опытом по разработке теоретических вопросов и методики работы» [5]. После развенчания Лысенко в аграрных научных учреждениях были восстановлены соответствующие лаборатории (цитологии, генетики, физиологии и др.) и роль Института цитологии и генетики СО АН как теоретико-методологического центра еще более возросла. Научные сотрудники ИЦГ становятся постоянными участниками научно-методических совещаний сельскохозяйственных научных учреждений Западной Сибири. «Особенно следует отметить ценные для селекционеров доклады и сообщения научных сотрудников Института цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР. Они раскрывают: новые методы селекции; приемы оценки исходного материала; методы, сокращающие длительность селекционного процесса и позволяющие более быстро получать константные формы», — констатировалось в решениях Научно-методического совещания научно-исследовательских и учебных за-

ведений Западной Сибири, состоявшегося при Алтайском научно-исследовательском институте сельского хозяйства в марте 1965 г. [6].

Не менее важным и неотложным делом было наведение порядка в области методики опытного дела. Единственная в стране кафедра методики опытного дела в Тимирязевской сельскохозяйственной академии в период доминирования Т. Д. Лысенко была ликвидирована. Даже когда научная общественность поднимала вопрос о «необходимости повышения точности и достоверности исследований и экономической оценки полученных выводов и предложений» [7], «отцы-командиры» на это не реагировали. Оно и понятно: при условии четкого соблюдения методических принципов опытного дела не могли бы появиться те «чудо-рекомендации», благодаря которым доминирование Т. Д. Лысенко поддерживалось. Проведенные в 1965 г. проверки высшими контрольными органами страны наиболее «отличившихся» в плане необоснованных рекомендаций научных учреждений региона показали, что первичная документация в отделах и лабораториях велась небрежно и представляла собой записки на отдельных листах или тетрадах, имелись факты расхождения данных первичной и отчетной документации, случаи фальсификации данных, допускалась преждевременная, поспешная выдача колхозам и совхозам необоснованных, не подтвержденных научными исследованиями, опытными и производственными данными рекомендаций [8]. Отсутствие единой методики проведения полевых и лабораторных опытов не позволяло сопоставить полученные различными научными учреждениями данные. В марте-апреле 1965 г. Министр сельхоза ССССР проводит Всесоюзное совещание научно-исследовательских учреждений и вузов по вопросам повышения уровня научных исследований, на котором учеными было заявлено, что «восстановление норм методики опытного дела и норм экспериментирования вообще жизненно необходимо в качестве первого шага по пути повышения культуры земледелия и теоретического уровня агрономии» [1, л. 230]. В принятом совещанием постановлении было признано необходимым, чтобы «методика всех исследований, проводимых опытными станциями, научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями, обязательно рассматривалась на заседаниях ученых советов или выделенных ими методических комиссиях» [9]. Чрезвычайно важное значение имел сформулированный в постановлении порядок формирования рекомендаций для производства: «Рекомендовать для внедрения в производство только те научные выводы и предложения, которые имеют высокую экономическую эффективность. В связи с этим необходимо установить такой порядок, чтобы ученые советы не принимали к рассмотрению законченные работы для внедрения в производство, если они не имеют экономической оценки и не внедрены в опытное хозяйство учреждения или учебно-опытное хозяйство вуза» [9].

Именно методические вопросы стали занимать важное место в деятельности аграрных научных учреждений в середине 1960-х гг., они начинают активно обсуждаться учеными советами, создаваемыми в отделах и лабораториях методическими комиссиями. В апреле 1966 г. при СибНИИСХозе состоялось Зональное научно-методическое совещание, на котором главное место отводилось вопросам методики. Директор СибНИИСХоза С. С. Сдобников выступил с докладом «Основные задачи исследова-

ний по вопросам земледелия, основные методические требования при постановке полевых опытов и порядок оформления научной документации». Рекомендовалось закладывать более длительные опыты. Особое внимание обращалось на ведение документации. Каждый исследователь обязан был иметь полевую книжку или дневник, куда необходимо было вносить все полевые записи. Требовались вспомогательные журналы для проведения частных наблюдений (например, фенологических). Сводным должен был быть журнал полевого опыта, куда бы заносились все результаты исследований, общие сведения по опыту [10].

Важное место уделяется математизации исследовательской деятельности. С научными сотрудниками проводятся занятия по теории вероятностей и статистическим методам обработки материала, организуются курсы по подготовке программистов. С целью внедрения в сельскохозяйственную науку и производство современной вычислительной техники в Омском сельскохозяйственном институте организованы группы по проведению научно-исследовательской работы по применению математических методов и вычислительной техники при решении важнейших проблем сельскохозяйственной науки. По установившейся ранее в регионе традиции пример использования математики для решения важных народнохозяйственных проблем показали ученые Сибирского отделения Академии наук. Например, Институтом гидродинамики совместно с Институтом математики отделения в 1964–1968 гг. была разработана линейная экономико-математическая модель, позволяющая оптимизировать плановую или проектную производственную структуру орошаемого хозяйства или группы хозяйств, обслуживаемых оросительной системой, с учетом вероятного характера погодных условий, найти оптимальное соотношение объемов поверхностных и подземных вод для целей орошения [11].

Повышение уровня научных исследований оказалось невозможным также и без структурных изменений в сети аграрных научных учреждений. Известно, что у истоков системы сельскохозяйственной науки в нашей стране стоял академик Н. И. Вавилов. Основными звеньями этой сети, по мнению Николая Ивановича, должны были быть, во-первых, ВАСХНИЛ с ее институтами, задача которых — «постановка оригинальных крупных исследований..., изыскание новых путей в решении агрономических задач, разработка новых методов, синтез всей исследовательской работы, проводимой как в нашей стране, так и за рубежом» [12]. Всесоюзные отраслевые институты разрабатывали теоретические обоснования и основные принципы технологии производства продуктов растениеводства и животноводства. Региональные институты должны были формировать научно обоснованную технологию производства сельскохозяйственной продукции применительно к зонам своей деятельности. Областным опытными станциями в качестве главной задачи вменялось комплексное внедрение в сельскохозяйственное производство результатов научно-исследовательских работ. Однако в таком стройном виде данная система просуществовала недолго. В годы лысенковщины произошла своеобразная нивелировка содержания деятельности опытной сети. С одной стороны, забвение фундаментальной науки, научно-методический кризис привели к падению уровня исследований в научно-исследовательских институтах. С другой — примитивизация науки имела результатом то, что

опытные станции включаются в исследовательскую деятельность, как правило, не имея для этих целей ни соответствующих кадров, ни оборудования, при этом сознательно отказавшись от своих основных, внедренческих, функций. В Западной Сибири ситуация осложнялась тем, что здесь, как правило, аграрные НИИ создавались на базе опытных станций, причем административным изменением статуса нередко все и заканчивалось. Вот как, например, описывают создание Сибирского филиала ВНИИЭСХ в 1955 г. его руководители: «Организация Сибирского филиала ... предусматривалась на базе отдела экономики сельского хозяйства ЗСФАН (Западно-Сибирского филиала Академии наук. — А. Р.) СССР. Фактически она была проведена без какой-либо базы: ни помощи, ни библиотеки и научных материалов, ни людей выделено не было... Создание нового учреждения не сопровождалось организационным направлением на работу в нем ведущих работников филиала..., это тем более серьезная ошибка при особенно остром дефиците ученых-экономистов сельского хозяйства на востоке страны» [13].

Таким образом, необходимы были серьезные структурно-функциональные перемены в сельскохозяйственной науке в стране в целом, и в динамично развивающейся Западной Сибири в частности, которые обеспечили бы значительное повышение уровня исследований. В этих условиях в конце 50-х — начале 60-х гг. на многочисленных научных совещаниях, конференциях учеными-аграрниками региона был поднят вопрос об организации в Сибири отделения (или филиала) ВАСХНИЛ. Во второй половине 1959 г. данная проблема становится предметом специального рассмотрения на коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Принято решение подготовить для представления в правительство соответствующее предложение. «Организация Сибирского филиала, — констатировал президиум ВАСХНИЛ, — позволила бы значительно улучшить научно-методическое руководство опытными учреждениями восточных районов страны» [14]. Но в связи с усилением субъективистских и административных методов руководства аграрной наукой и практикой в конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого столетия вопрос об организации в Сибири регионального отделения ВАСХНИЛ не был решен положительно. Созданные в 1956–1959 гг. в ряде союзных республик СССР республиканские Академии сельскохозяйственных наук в 1962 г. были ликвидированы. Однако опыт региональных научных центров АН СССР убедительно показал целесообразность подобной организации исследований в области сельского хозяйства, в первую очередь на востоке страны. Состоявшееся в середине 1960-х гг. разоблачение Т. Д. Лысенко устранило последние преграды для решения этого вопроса. Сибирское отделение ВАСХНИЛ было создано по постановлению Совета министров СССР от 14 ноября 1969 г. «О мероприятиях по созданию научно-исследовательского комплекса по вопросам развития сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока» [15]. При создании СО ВАСХНИЛ в его состав были включены реорганизованные и вновь сформированные институты: животноводства; механизации и электрификации; экономики сельского хозяйства; химизации (в 1980 г. реорганизован в институт земледелия и химизации); институт кормов; Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства; Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера; Все-

союзный научно-исследовательский институт сои. В 1974 г. в состав отделения был включен Институт экспериментальной ветеринарии, а в 1976 г. — Сибирский филиал ВИР (в 1977 г. реорганизован в научно-исследовательский институт растениеводства и селекции). В 1970-е гг. впервые в стране созданы комплексные институты технологического характера (СибНИИПТИМ, АНИИПТИЖ и др.). Их организация по производственно-проблемному принципу позволила нацелить научные исследования на достижение конечного результата, на решение проблемы в целом, а не на проработку лишь отдельных разрозненных задач. Для активизации селекционной работы девять институтов в сибирском регионе были утверждены селекционными центрами по растениеводству и один — по животноводству.

Закономерно, что усилия, направленные на повышение методологического и методического уровня исследований, создание регионального отделения ВАСХНИЛ не могли не привести к позитивному результату. По свидетельству ученых, в результате преобразований начался «золотой этап» в области селекции [16]. Западная Сибирь становится житницей страны по производству качественных сортов пшеницы: уже в середине 1970-х гг., например, Омская область вышла на первое место в яровой пшеничной зоне СССР по производству высококачественного зерна: ценной пшеницы (с клейковиной 26 % и выше) здесь производили более миллиона тонн в год, а сильной (32 %) — около полумиллиона тонн [17]. Динамично развиваются и другие отрасли сельскохозяйственной науки.

В «эру Лысенко» дезорганизация всего опытного дела дошла до такой степени, что невозможно было понять, где завершается собственно исследовательская работа и когда начинается внедрение. Появился странный и непонятный термин «массовый производственный эксперимент». «Идеологическая» платформа, доказывающая преимущество «массового производственного эксперимента» перед кропотливыми лабораторными и опытными исследованиями, была сформулирована в изданном в 1964 г. учебнике дарвинизма. В нем указано, что «кабинетная, лабораторная генетика зашла в тупик», а «лабораторное исследование имеет дело обычно только с фрагментами жизни — с клетками, их штаммами, частями тканей в искусственной культуре», в результате исследователь получает «в таких опытах ответы организмов на искаженные условия существования» [18, с. 332], т.е. данные, полученные учеными в лабораторных исследованиях, малодостоверны и не имеют научной ценности. Другое дело, согласно взглядам Лысенко и его адептов, массовый производственный эксперимент, который представляет «самый верный путь к познанию живой природы, практическое управление ее явлениями», когда в условиях производства «человек изменяет условия роста и развития растений» [18, с. 330]. О масштабах и практических результатах использования «массового производственного эксперимента» известно всем, поэтому ликвидация лысенковской монополии в аграрной науке означала и формирование новых подходов в области организации внедрения. Суть этих подходов состояла в том, что внедренческая деятель-

ность стала строиться с опорой на опыт так называемых «маяков» — передовых хозяйств, бригад, отдельных работников-мастеров своего дела. Например, учеными и специалистами совхоза «Кулундинский» Алтайского края была отработана технология противозерозионной обработки почвы. Широкое внедрение этой технологии позволило остановить пыльные бури Кулунды и добиться стабильных урожаев в хозяйствах, расположенных здесь.

Таким образом, осуществленные после разоблачения Т. Д. Лысенко мероприятия в области повышения научно-методологического и методического уровня исследований, структурно-функциональные изменения в научной сети, новые внедренческие подходы способствовали возрастанию роли науки в развитии сельскохозяйственного производства. Однако, как показали дальнейшие события, бюрократизация управления сельским хозяйством значительно ограничила их эффект.

Библиографический список

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 9. Д. 6.
2. Научный архив СО РАН. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
3. Научный архив СО РАН. Ф. 50. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.
4. Научный архив СО РАН. Ф. 50. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.
5. Архив СибНИИСХоза. Оп. 1. Д. 118. Л. 13.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1167. Оп. 2. Д. 17. Л. 156.
7. Вестник сельскохозяйственной науки. — 1958. — № 9. — С. 6.
8. ГААК. Ф. 181. Оп. 4. Д. 307. Л. 12–13.
9. Вестник сельскохозяйственной науки. — 1965. — № 5. — С. 104.
10. Архив СибНИИСХоза. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–2.
11. Научный архив СО РАН. Ф. 34. Оп. 1. Д. 56. Л. 11.
12. Вавилов, Н. И. «Жизнь коротка, надо спешить»: Публицистика классиков отечественной науки / Н. И. Вавилов. — М.: Советская Россия, 1990. — С. 130.
13. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 41. Л. 29.
14. РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 4636. Л. 33–34.
15. Ленинская аграрная политика КПСС: Сборник важнейших документов (март 1965–июль 1978). — М.: Политиздат, 1978. — С. 257–260.
16. Сборник научных работ, посвященных 170-летию Сибирской аграрной науки. В 2 т. Т. 2. Селекция и семеноводство, механизация. — Омск: Фрактал, 1998. — С. 10.
17. Время Манякина. Воспоминания / Сост. и гл. ред. М. И. Сильванович. — М.: АНО Омское землячество в Москве, 2011. — С. 214.
18. Дворянкин, Ф. А. Дарвинизм: курс лекций по истории эволюционного учения и проблемам дарвинизма / Ф. А. Дворянкин. — М.: МГУ, 1964. — 448 с.

РЫЧКОВ Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: alex-rychkov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.02.2014 г.

© А. В. Рычков